РУДОЛЬФ ПИХОЯ

Цели и характер Великой Отечественной войны

70-летний юбилей разгрома германского фашизма стал поводом для начала в Европе и мире идеологической кампании, преследующей цель пересмотреть роль СССР в поражении вооруженных сил фашистской Германии.

Причины этого понятны. Тегеранско-Ялтинская конструкция мира, сформировавшаяся к концу Великой Отечественной войны, была разрушена поражением СССР в войне холодной. Хельсинкские соглашения 1975 года, в которых главной идеей было сохранение нерушимости границ, перестали действовать. На территории Восточной и Центральной Европы образовались новые государства, радикально изменились политические режимы в странах, прежде входивших в Совет экономической взаимопомощи и участвовавших в Варшавском договоре. Политической реальностью стало то, что существенной частью формирующейся государственной идеологии этих стран стала переоценка причин и итогов войны.

Можно утверждать: мы столкнулись с беспрецедентной по своим масштабам попыткой отнять у России – наследницы Советского Союза – право быть победителем или, как минимум, обесценить роль нашей страны в победе во Второй мировой войне. Более того, влиятельные политические силы в странах Запада пытаются возложить на Советский Союз и Германию равную ответственность за начало войны, а победа интерпретируется как продолжение Советским Союзом оккупации части Европы иными средствами, как замена фашистского режима на советский тоталитарный.

Не стихают утверждения, в том числе и в отечественной историографии, что СССР готовился напасть на Германию, и гитлеровская агрессия – не более чем превентивная мера.

Можно утверждать, что подобные тенденции будут только усиливаться в ближайшие десятилетия. Существенно и то, что споры о характере и последствиях войны уже давно перешагнули академические пороги и приобрели актуальное политическое измерение. Напомню хотя бы о том, что дискуссии о пакте Молотова-Риббентропа на Съезде народных депутатов СССР и Верховном Совете СССР стали частью подготовки к выходу из Советского Союза Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, а претензии к России – как наследнику СССР – переросли в попытки ряда стран требовать у нашей страны компенсаций за оккупацию.

Таким образом, необходимость в новом научном осмыслении характера Второй мировой и Великой Отечественной войны приобретает для отечественной историографии не только собственно научный, но и очевидный политический смысл.

Ключевым звеном в такой интерпретации истории войны стал договор о ненападении Германии и СССР, а также секретные протоколы к этому договору, подписанные 23 августа 1939 года. Напомню предысторию появления этого документа. В условиях постоянно возраставшей угрозы новой войны, развала Версальской системы устройства мира, нараставшего военного потенциала нацистской Германии руководство СССР пыталось обзавестись союзниками в составе так называемого «Восточного пакта». Советский Союз был готов вместе с Францией и Англией защитить Чехословакию осенью 1938 года. О том, что заявление СССР не было пустыми словами, свидетельствовали серьезные военные приготовления, которые начали проводиться с лета 1938 года в Киевском особом военном округе. Однако неожиданные соглашения Англии, Франции и Италии с гитлеровской Германией 29 сентября 1938 года не только выдали Чехословакию Германии, но и серьезно подорвали доверие советского руководства к вероятности совместных действий против возможной германской агрессии.

Новый затяжной тур переговоров между Францией, Англией и СССР о возможности заключения советско-англо-французского пакта о взаимной помощи напоролся не только на подозрительность и недоверие не-

РУДОЛЬФ ПИХОЯ, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19). E-mail: rudolfpikhoia@rambler.ru

Аннотация: В статье представлен анализ целей и характера Второй мировой и Великой Отечественной войны. Автор описывает то, какой ценой Советскому Союзу досталась Победа, какова роль союзников в этой войне, а также значение пакта Молотова-Риббентропа. Опираясь на обширные архивные материалы, автор опровергает начавшую бытовать за рубежом «теорию» о подготовке СССР в 1930-х годах к нападению на Германию. Особую актуальность статья приобретает на фоне начавшейся в Европе и мире идеологической кампании, целью которой стал пересмотр роли СССР в поражении вооруженных сил фашистской Германии, а также возложение на Советский Союз и Германию равной ответственности за начало войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Россия, Германия, фашизм, победа, патриотизм, геополитика.

состоявшихся союзников, но и на техническую невозможность непосредственного участия Красной Армии в совместных военных действиях, так как СССР не имел общей границы с Германией. Польское руководство категорически и последовательно отказалось от участия в системе коллективных усилий по обеспечению безопасности в Европе.

Польша была связана с Германией договором о ненападении, заключенным в 1934 году. В ходе переговоров, которые польский министр иностранных дел Ю. Бек вел в январе 1939 года в Берлине с Гитлером и Риббентропом, стороны заверяли друг друга в необходимости союза Германии и Польши против России. «Германия, – заверял Гитлер, – будет заинтересована в сохранении сильной независимой Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и поэтому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения, наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя...» [Документы и материалы… 1981. С. 5]. Ему вторил Ю. Бек: «Господин Бек, – записал чиновник германского МИДа, – не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» [Документы и материалы… 1981. С. 11, 16–17].

Фашистская Германия допустила Польшу к разделу Чехословакии в марте 1939 года, когда она заняла часть территории Чехословакии – Тешинскую Силезию и небольшие области на севере Словакии.

Всю весну и лето 1939 года переговоры СССР с Англией и Францией проходили по формуле: СССР настаивал на возможности прохода своих войск через территорию Польши, эти требования последовательно отклонялись польским руководством. По мере этих переговоров требования СССР к Англии и Франции как потенциальным союзникам росли: нужны были гарантии непосредственного участия западных стран в военных действиях против возможного агрессора – Германии. Кроме того, советское руководство ожидало, что Англия и Франция окажут нажим на Польшу и Румынию с тем, чтобы советские войска в случае возникновения конфликта могли воспользоваться их территорией. Стали звучать призывы включить в систему взаимной безопасности не только Польшу и Румынию, но и страны Прибалтики, и Финляндию.

В Кремле нарастало сомнение в возможности трехстороннего соглашения. Польское правительство последовательно отказывалось участвовать во франко-советско-британском альянсе, Гитлер дал знать, что он готов и дальше рассматривать ряд территорий Словакии как объект торга с Польшей, сохранялось подозрение, что потенциальные союзники – Англия и Франция – заключат с Гитлером новое соглашение по образцу мюнхенского и оставят СССР один на один с явно усиливавшейся Германией, имевшей в качестве стратегического союзника Японию, не скрывавшую своих претензий к территории советского Дальнего Востока.

Основания для таких подозрений подогревались тем фактом, что английская дипломатия, параллельно с переговорами с СССР об антигерманском пакте, вела в Берлине в июле-августе 1939 года консультации о возможности заключения англо-германского соглашения, «включающего, – по словам Хораса Вильсона, главного советника правительства Великобритании по вопросам промышленности, – отказ от нападения на третьи державы, что начисто освободило бы британское правительство от принятых ими на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и так далее...» [Документы и материалы… 1981. С. 150–157, 193–194].

Однако обращение Хораса Вильсона было воспринято в высшем руководстве Германии «как дальнейшее свидетельство слабости Англии», а министр иностранных дел Риббентроп был убежден, что «в случае германо-польской войны Англия не выступит на стороне Польши» [Документы и материалы… 1981. С. 294].

Разочарование в невозможности заключения действенного соглашения с Англией и Францией, подозрения, что СССР сам может стать объектом сделки по образу и подобию мюнхенской, подтолкнул советское руководство к переговорам с Германией. 3 августа 1939 года нарком иностранных дел Молотов услышал от германского посла в Москве Ф. Шуленбурга официальное заявление, что «Германия намерена уважать интересы СССР в Балтийском море и не имеет намерений, противоречащих СССР в Балтийских странах. ... Что касается германской позиции в отношении Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо, противоречащее интересам СССР» [Документы внешней политики СССР, 1992. С. 571–572].

23 августа 1939 года состоялось подписание договора о ненападении между Германией и СССР и секретных протоколов к нему (пакта Молотова-Риббентропа), означавших раздел сфер влияния этих стран в Европе и предусматривавших четвертый раздел Польши и ликвидацию польской государственности.

При оценке этого пакта следует, по моему мнению, принимать в расчет то, что он:

- отражал на то время реалии расстановки политических сил в Европе, атмосферу, приемы, мораль европейской политики, и в этом смысле был не лучше и не хуже заключенного годом раньше Мюнхенского соглашения;
- был и остается, несмотря на все идеологические оценки и политические интерпретации, частью сегодняшней геополитической реальности, поскольку определяет границы Литвы, Польши, Молдавии, Румынии, Финляндии;
- преследовал задачу укрепления международного положения и безопасности СССР;
- восходил к концепции распространения советского влияния на все территории, прежде входившие в Российскую империю.

Несомненно, что заключение пакта Молотова-Риббентропа развязало руки Германии для нападения на Польшу.

Отмечу, что участие в ликвидации славянского государства – Польши, несправедливое отождествление позиций польского руководства и польской государственности стало, по сути, стратегическим просчетом Сталина. Оно привело к приближению границ Германии к СССР, что, в конечном счете, ослабило западные рубежи обороны страны и создало на многие десятилетия вперед проблемы в отношениях нашей страны и Польши.

Эти геополитические приоритеты страны были сформулированы советской внешней политикой в 1939 году и оставались практически неизменными многие десятилетия: они практически полностью были воспроизведены и в безрезультатных переговорах с Англией и Францией в первой половине 1939 года, и в пакте с Германией, и в договорах, достигнутых в Тегеране и Ялте в ходе соглашений «большой тройки», и в советской политике более позднего времени.

Важнейший вопрос – проблема ответственности за такое развитие европейской политики в 1939 году. Выскажу свое личное мнение – она была слишком прагматичной, эгоистичной, замешанной на недоверии к партнерам и противникам (с легкостью менявшихся местами). В этом смысле народы Европы стали жертвами такой политики.

Нападение Германии на СССР в корне изменило характер Второй мировой войны для нашей страны. Прежде всего, оно было неспровоцированным. Нет никаких оснований полагать, что советское политическое руководство вынашивало планы нападения на Германию. Считаю необходимым отмести спекуляции по поводу так называемого протокола заседания Политбюро от 19 августа 1939 года, обнаруженного в фондах Второго бюро французской разведки [Бушуева, 1994. С. 232–233]. Внимательный анализ документа свидетельствует о том, что это – фальшивка, изготовленная германской разведкой и запущенная во Франции с единственной целью – оправдать будущую германскую агрессию против СССР. Доказательствами для такого утверждения служит, прежде всего, тот бесспорный факт, что 19 апреля 1939 года попросту не было заседания Политбюро. Кстати, заседания Политбюро проводились только по четвергам (19 августа 1939 года – суббота). Но ни в пятницу, ни в субботу не было никаких совещаний, где бы Сталин мог выступить с заявлением о будущей политике по отношению Германии. Мне пришлось самому просмотреть все делопроизводство Секретариата, Оргбюро и Политбюро, и не было ни одного вопроса, даже рассматриваемого в особом порядке, где бы в эти дни принималось решение по внешнеполитическим проблемам. Я уже не говорю об абсолютном несоответствии оформления и содержания этого текста правилам, принятым в делопроизводстве Политбюро.

Нельзя считать доказательством превентивных планов нападения на Германию документ под названием «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», разработанного Генштабом Красной Армии и представленных Сталину в мае 1941 года. Этот документ, вызвавший взрыв обвинений в агрессивных умыслах Советского Союза, – не более чем штабная разработка. Проект, кстати, не получил одобрения и не был утвержден Сталиным [Данилов, 1996. С. 136–155]. Следует признать, что к лету 1941 года Красная Армия не была в сколько-нибудь достаточной степени готова к ведению боевых действий. Финская война ясно указала политическому и военному руководству страны на хроническую нехватку командного состава, на низкое качество обучения войск, на недостаточное количество танкистов.

О каких агрессивных, наступательных планах Советского Союза можно говорить, когда в Прибалтийском военном округе командиры танковых дивизий 9 июня 1941 года сообщали, что дивизии обеспечены горюче-смазочными материалами на 6%, автобензином – на 2%. Начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев писал начальнику Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жукову 19 мая 1941 года, что «…выполнение плана завоза вооружения и боевой техники по плану снабжения Киевского Особого военного округа в 1941 году до настоящего времени идет крайне медленно. По целому ряду предметов вооружения и боевой техники за истекшие 5 месяцев до 1 мая 1941 года не завезено даже половины запланированного к завозу в первой половине 1941 года планом вооружения войск» [Скрытая правда войны, 1992. С. 32–34]. Следует признать, что к лету 1941 года Красная Армия не была в сколько-нибудь достаточной степени готова к ведению боевых действий.

Понимание реальной слабости, неготовности армии к войне вынуждала Сталина цепляться за пакт Молотова-Риббентропа, стремиться избегать любых возможных провокаций. Полагаю, что именно этим объясняется кажущееся странным стремление Сталина игнорировать данные разведки о готовившемся нападении Германии на СССР. 13 июня 1941 года нарком обороны С. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. Жуков обратились к Сталину с предложением о приведении войск приграничных округов в боевую готовность. Сталин уклонился от ответа: «Подумаем» [Жуков, 1969. С. 230–231]. На следующий день Тимошенко и Жуков вновь настаивали на приведении войск в полную боевую готовность. На этот раз Сталин раздраженно возразил: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и придвинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!» [Жуков, 1969. С. 231]. Более того, 13 июня было подготовлено, а 14 июня – опубликовано знаменитое сообщение ТАСС, излагавшее официальную точку зрения на состояние советско-германских отношений [Сообщение ТАСС. 1941].

С первых часов, дней и недель война стала мученическим подвигом народа. Разве не чудо, что в условиях фактического развала Западного фронта, растерянности и замешательства высшего руководства страны в первую неделю войны, громадных потерь (только за первый день войны Красная Армия потеряла, по пре-

Фото фронтового корреспондента Н.Ф. Боде

Проводы в народное ополчение. Сентябрь 1941 года

имуществу на аэродромах, 1,2 тыс. самолетов, противник захватил в первые недели войны 6 тыс. танков из 10 тыс., которые были в пограничных округах) тем не менее удалось обороняться в районе Смоленска, сдержать там танковые колонны Гудериана. Германское наступление, казавшееся непреодолимым нашествием, захлебнулось. Как и в Отечественную войну 1812 года с Наполеоном, захватчики встретили упорнейшее сопротивление в районе Смоленска, позволившее выиграть драгоценное время и организовать оборону.

Война стала поистине народной, где высокий патриотизм сочетался с бесчисленными (в горьком и точном смысле этого слова!) потерями.

В эти часы, дни и недели стали закладываться зерна будущих побед Красной Армии.

Война выявила достоинства так называемого мобилизационного типа советской экономики, которая, функционируя в рамках жестко политически организованного общества, была способна на некоторое время до минимума сократить все потребности и переключить ресурсы страны на нужды фронта.

Экономический потенциал Германии существенно превосходил советский. Уже в 1940 году в Германии было в 2,5 раза больше станков, производилось больше стали, алюминия, угля, чем в СССР[1] [Поздеева, 1995. С. 324–339]. К началу агрессии против СССР в распоряжении Германии оказались промышленность и ресурсы Франции, Австрии, Бельгии, Чехословакии, Голландии, Дании, а также стран-сателлитов – румынская нефть, венгерские бокситы, финский лес. На германскую армию работали заводы этих стран.

Этому мощному потенциалу противостояла советская экономика, пережившая катастрофу 1941 года, потерю трети промышленности, расположенной в западной части СССР.

Людские ресурсы, транспорт, запасы сырья, энергетика, наука – все было переключено на обеспечение армии. Лозунг – «Все для фронта, все для победы» – был не пропагандистским штампом, а реальностью всех сторон жизни страны. Если в 1940 году военная продукция составляла 22% в общем промышленном производстве, то в 1942 году – уже 66%. Заметим, что рост объемов военного производства происходил в условиях сокращения производства электроэнергии, чугуна, стали, проката, то есть в значительно более сложной экономической ситуации [Великая Отечественная война… 1985. С. 807–808]. Эта мобилизация подкреплялась высочайшим уровнем централизации власти и управления, последовательным осуществлением единоначалия в его политическом смысле. Государственный комитет обороны сконцентрировал всю полноту власти – партийной, подменив Политбюро и съезды партии, государственной – дублируя Совет народных комиссаров СССР, законодательной и даже судебной. Благодаря этому удалось практически заново восстановить оборонный потенциал страны и армии, у которой в 1941 году не хватало даже винтовок.

В 1942 году положение решительно изменилось. Было произведено, по отношению к 1941 году, танков – на 274% больше, самолетов – на 62%, артиллерийских орудий – на 213%, боеприпасов – на 60%. Всего в 1942 году советская промышленность произвела 21,7 тыс. самолетов, более 24 тыс. танков, 127,1 тыс. орудий, 230 тыс. минометов. К ноябрю 1942 года СССР ликвидировал свое военно-техническое отставание от Германии [Великая Отечественная война… 1985. С. 807–808].

Новым фактором, ворвавшимся в жизнь страны, стало возрождение религии. Страшный удар, нанесенный большевиками по всем религиозным конфессиям и особенно по Русской православной церкви в 1920–1930 годах, закрытие и уничтожение церквей и монастырей, аресты и казни духовенства, воинствующий (в прямом смысле этого слова) атеизм, казалось, устранили церковь из политической жизни советского общества. Однако война вынудила власти поступиться своими атеистическими принципами. К церкви, как источнику надежды и утешения, обратились в тяжкие дни и годы войны миллионы русских, украинцев и белорусов – тех народов, которые несли основное бремя войны с фашизмом. Русская православная церковь, с первых часов войны занявшая последовательно патриотические позиции, стала одним из факторов государственной идентификации этих народов.

Власти были вынуждены в условиях войны если не изменить прежнее отношение к религии и церкви (что было просто невозможно, учитывая господство коммунистической идеологии), то, по крайней мере, несколько смягчить прежний курс, разрешить выборы патриарха.

В ответ на политическую лояльность церкви государство предложило создать специальный государственный орган – своего рода министерство по церковным делам – Совет по делам русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР, для того, чтобы осуществлять «связи между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам русской православной церкви, требующим

1 Поставки вооружений, стратегического сырья и материалов от союзников по ленд-лизу начались позже – с 1942 года, хотя соглашение о ленд-лизе было подписано в ноябре 1941 года.

решения Правительства СССР»[2]. Одновременно с этим церковь была «встроена» в советскую бюрократическую машину.

С начала войны важнейшим фактором отпора германской агрессии стал русский патриотизм. Сталин призывал вспомнить о славе великих военачальников – Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Суворова и Кутузова. В армию вернулись георгиевские ленты, появились гвардейские полки и дивизии, внедрялась идея славянского братства, солдатский орден Славы заставлял вспомнить о солдатском Георгии, о традициях русской армии. Самому А.С. Щербакову, начальнику Главного политического управления Красной Армии, приписывалось выражение, что сегодняшним «фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская Коммуна» [История советской политической цензуры, 1997. С. 140].

Однако ставка только на российский патриотизм имела и свои границы. Прежде всего, обращение к историческому прошлому было политически небезопасно. Историческая легитимность большевизма была, мягко говоря, сомнительной. Революции нелегитимны по своей сути. Воссоздание прошлого создавало предпосылки для возрождения национальных идей как альтернативы коммунистическому интернационализму и самой компартии. Сталин, прекрасно знавший историю России, в полной мере понимал политически положительные и опасные стороны русского патриотизма. Именно он использовал ресурс русского патриотизма на начальном этапе войны. Но он лучше, чем кто-нибудь из тогдашней власти, осознавал опасность использования «русского фактора» против партийной политики. Поэтому уже в 1944 году возрождаются обвинения в «великодержавном шовинизме», адресованные крупнейшим историкам.

Свидетельством ограниченной деидеологизации Советского Союза стало отмежевание советского руководства от идеи мировой революции и в упразднении Коминтерна. 15 мая 1943 года Сталин распустил эту организацию, которая, как он объяснил, «выполнила свою миссию». Это решение должно было стать для западных союзников свидетельством отказа Москвы от планов «мировой революции». Следом за этим утратил роль государственного гимна «Интернационал», оставшийся партийным гимном. В конце 1943 года были опубликованы слова нового гимна СССР, написанные С. Михалковым и Эль-Регистаном – «Союз нерушимый».

Гитлеровское командование исходило из расистских теоретических посылок фашизма о превосходстве германской нации, о необходимости расширения жизненного пространства и о неполноценности других народов – евреев, славян. Генералитет германской армии вполне разделял эти убеждения своего политического руководства. В качестве примера можно привести приказ от 18 декабря 1941 года генерал-фельдмаршала

Фото фронтового корреспондента М.В. Альперта

Политрук Алексей Гордеевич Еременко. Контратака у села Хорошее Луганской области

Вальтера фон Райхенау, командовавшего 6-й армией вермахта: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной глупостью... Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков..., должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на востоке не имеют значения...» [Нюрнбергский процесс. 1961. С. 345–346].

План «Барбаросса» – план войны Германии против СССР – имел экономический раздел под названием «Ольденбург» и план «Ост» по управлению «новыми землями» на востоке. При разработке этого плана специальное внимание было обращено на то, чтобы разгромить русских как народ, разобщить его, «устранить опасность, которую представляет для нас (нацистов) русский народ».

Армейское командование вполне разделяло и проводило в жизнь установки фашистских идеологов. Повсеместно на оккупированной территории создавались лагеря смерти и гетто, проводились аресты и расстрелы. Истреблению подлежали не только евреи, но и цыгане, партизаны, инвалиды. Сохранились ужасные свидетельства истребления детей в детских домах, санаториях, больницах.

Одной из важнейших целей оккупационной администрации было выкачивание ресурсов. Гитлеровское командование оценило роль колхозов как инструмента принуждения крестьянства и фактически сохранило их на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и России. Изменения носили чисто внешний характер. Колхозы были переименованы в «общественные хозяйства», которые должны были работать «согласно указаниям немецкого управления». Работа в этих «общественных хозяйствах» объявлялась обязательной для всех работоспособных членов «общественного хозяйства».

Менее успешной оказалась промышленная политика рейха. Германское командование пыталось наладить производство продукции на заводах на захваченной территории, добычу угля, железной руды, марганца.

2 Постановление Совета народных комиссаров СССР от 14 сентября 1943 года № 993 «Об организации совета по делам Русской православной церкви».

Особое место в экономических планах Германии занимало использование рабочей силы. По планам гитлеровского командования на работы должны были быть высланы до 15 млн советских граждан. Целые территории страны обезлюдели. К концу оккупации в Новгороде фактически не осталось целых зданий. Из 2,3 тыс. жилых домов сохранилось с небольшими разрушениями только 40, частично пригодных для жилья[3].

На оккупированной территории развернулась партизанская война.

По мере развития партизанского движения в тыл врага было заброшено более 2 тыс. групп офицеров-разведчиков и радистов, общей численностью до 15 тыс. человек. Подразделениями 2-го отдела НКВД и бригадой особого назначения было уничтожено более 150 тыс. германских солдат и офицеров, убито 87 высших чиновников оккупационных властей [Судоплатов, 1996. С. 149–150].

Вторым направлением в партизанском движении стало движение «снизу», протест граждан против немецкого гнета, попытки убежать и укрыться в деревнях, в лесу от высылки в Германию. К этому следует добавить заранее подготовленную сеть подпольных партийных и партизанских отрядов, которые должны были начинать действовать в случае оккупации.

Желая покончить с партизанами, фашисты организовывали карательные операции, снимая с фронта целые дивизии, оснащенные танками и авиацией. Каратели несли серьезные потери, но главной цели достичь не могли. На оккупированной территории образовывались «партизанские края» – обширные районы, куда оккупанты предпочитали не приходить, здесь люди жили по советским законам, действовала гражданская администрация, партийные и советские органы.

Война стала вынужденным, но от этого не менее важным опытом сотрудничества государств с различными политическими системами. СССР получил от союзников большое количество вооружения, боеприпасов, стратегических материалов, продовольствия, в котором крайне нуждалась Красная Армия. Было отгружено продукции на сумму более 9 млрд долл.; в том числе: 11 тыс. самолетов, 7 тыс. танков и самоходных орудий, более 350 тыс. грузовых автомобилей, паровозы, различные боеприпасы, подшипники, продовольствие, тысячи тонн цветных металлов, ферросплавов, авиабензин и многое другое [Поставки союзников по ленд-лизу… 1956].

В годы войны союзниками – политическим руководством СССР, Великобритании и США были достигнуты важные договоренности о послевоенном устройстве мира, обеспечившие мир в Европе во второй половине XX века, в частности – договоренность о создании Организации Объединенных Наций.

СССР заплатил за победу страшную плату – погибло почти 27 млн человек. Фашисты разрушили 1,7 тыс. городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, разорили свыше 100 тыс. колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций.

Война стала крайним напряжением всех сил. Закономерно, что в различных слоях советского общества солдаты и офицеры армии-победительницы не могли не задумываться – а как же будет устроена жизнь после войны? Многие из них были убеждены, что Сталин после войны колхозы отменит. Что это станет выражением благодарности крестьянам-солдатам за героизм в войне. В ЦК ВКП (б) поступали многочисленные сведения, что «слухи о ликвидации колхозов сейчас широко распространяются среди колхозников» (Курская область), крестьяне в Псковском районе спрашивали партийных работников – «Скоро ли распустят колхозы?». «Все ждут, что распустят армию по домам – колхозы отменят» (Пензенская область). По всей стране – от Пскова и Воронежа до Забайкалья распространялись слухи, что «в Америке, говорят, уже решили распустить все колхозы в СССР, Молотов потому и покинул конференцию в Сан-Франциско»; «Америка и Англия предъявили нашему правительству ультиматум – или распустите колхозы, или пойдем на Россию войной» [Зубкова, 2000. С. 62–63]. Слухи эти имели удивительно устойчивый характер, став важной социально-психологической характеристикой настроений и демобилизующихся солдат, и колхозников. Похожие антиколхозные ожидания встречались и среди генералитета [Пихоя, 1998. С. 51].

Война поколебала и прежнюю, довоенную систему управления страной. У войны свои жестокие законы. В управлении – военном, государственном, промышленно-экономическом – оказались нужны люди, добивавшиеся результата. Военные методы были нацелены на достижение немедленного результата и поэтому предполагали соответствующую систему выдвижения руководящих кадров. В эти годы действует принцип целесообразности, потеснивший номенклатурные приемы выдвижения руководителей.

Для Сталина уже в конце войны была ясна необходимость восстановления в полной мере прежней системы управления. Сохранение военных порядков подрывало основу номенклатурной (советской) системы управления. Поэтому отнюдь не случайно, что уже в 1946–1947 годах обрушились репрессии на генералитет Советской армии во главе с Жуковым, на директоров многих промышленных предприятий – директоров-генералов, связанных с армией, а позже, в 1948–1950 годах – и на значительную часть секретарей обкомов военных лет (так называемое «Ленинградское дело»).

9 февраля 1946 года Сталин выступил на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы. Пришла пора подводить итоги войны и наметить новые задачи в мирной жизни. Главный вывод Сталина: «Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с честью выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность, … что победил наш государственный строй» [Сталин, 1997. С. 7–8].

3 Государственный архив Новгородской области. Р – 1793. Оп. 1. Д. 24. Л. 4 об.

Вывод был очевиден: ничего менять не надо. Был положен конец всяким надеждам на перемены, на приспособление к радикально менявшемуся миру. Великая Отечественная война уникальна в истории нашей страны еще и потому, что за этой войной не последовали реформы. Если быть более точным, то реформы начались десятью годами позже, в середине 1950-х годов, однако они не затронули ни существенных основ экономического строя (как после Крымской войны), ни ее политического устройства (как произошло после русско-японской войны), ни, тем более, социально-политического строя (как произошло в ходе Первой мировой войны).

Победа в войне обеспечила иное. Она сохранила отечественную государственность. Она спасла существование и избавила от геноцида народы нашей страны. Она означала разгром политической системы, провозглашавшей право на уничтожение по расовому признаку.

И, наконец, она стала нашей Победой. Победой наших отцов и матерей, смертию смерть поправших, жизнь и здоровье положивших для избавления Отечества от «проклятой орды» завоевателей. Победой, ставшей, пожалуй, главным событием отечественной истории XX века.

Литература

Бушуева Т. Проклиная – попробуйте понять // Новый мир. 1994. № 12.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985.

Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Другая война. М., 1996.

Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. 1 января – 31 августа 1939 года. М., 1992.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т.2. Январь-август 1939 года. М., 1981.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.

Нюрнбергский процесс. В 7 томах. Т. 3. М., 1961.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. М., 1998.

Поздеева Л.В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.

Поставки союзников по ленд-лизу и другим путям во время Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1956.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

Сообщение ТАСС // Известия. 14 июня 1941. №139 (7515).

Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996.

PURPOSE AND CHARACTER OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

RUDOLF PIKHOIA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Institute of Russian History, RAS (117036, Moscow, Dmitriia Ulianova st., 19). E-mail: rudolfpikhoia@rambler.ru

Summary: The article presents an analysis of the objectives and nature of the World War II and the Great Patriotic war. The author describes what the cost of the Victory won by the Soviet Union was, what the role of the allies in this war was, as well as the significance of the Molotov-Ribbentrop Pact. Basing on numerous archive documents the author rebuts the theory that has recently emerged in foreign countries claiming that the USSR was preparing to attack Germany in the 1930-s. The article becomes topical against the ideological campaign background in Europe and worldwide aiming to redefine the role of the USSR in the defeat of the armed forces of Nazi Germany and make the Soviet Union and Germany equally responsible for the outbreak of war.

Keywords: The Great Patriotic war, Russia, Germany, fascism, Victory, patriotism, geopolitics.

References

Bushueva T. Proklinaia – poprobuite poniat' // Novyi mir. [While cursing – try to understand // New world] 1994. № 12.

Velikaia Otechestvennaia voina. 1941-1945. Entsiklopediia. [The Great Patriotic war. 1941-1945. Encyclopedia.] M., 1985.

Danilov V.D. Stalinskaia strategiia nachala voiny: plany i real'nost' // Drugaia voina. [Stalin's strategy of the war beginning: plans and reality // Another war] M., 1996.

Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 22. Kn. 1. 1 ianvaria – 31 avgusta 1939 goda. [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 22. Book 1. January 1 – August 31, 1939.] M., 1992.

Dokumenty i materialy kanuna Vtoroi mirovoi voiny. 1937-1939. T.2. Ianvar'-avgust 1939 goda. [Documents and materials of the World War II eve. 1937-1939. Vol. 2. January-august 1939.] M., 1981.

Zhukov G.K. Vospominaniia i razmyshleniia. [Recollections and reflections.]M., 1969.

Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945-1953. [After-war soviet society: politics and daily life. 1945-1953.] M., 2000.

Istoriia sovetskoi politicheskoi tsenzury. Dokumenty i kommentarii. [History of the soviet political censorship. Documents and comments.] M., 1997.

Niurnbergskii protsess. V 7-mi tomakh. T. 3. [Nuremberg trial. In 7 volumes. Vol. 3.] M., 1961.

Pikhoia R.G. Sovetskii Soiuz: istoriia vlasti. [Soviet Union: history of power] M., 1998.

Pozdeeva L.V. Lend-liz dlia SSSR: diskussiia prodolzhaetsia // Vtoraia mirovaia voina. Aktual'nye problemy. [Lend-lease for the USSR: discussion is in progress // World War II. Topical issues.] M., 1995.

Postavki Soiuznikov po Lendlizu i drugim putiam vo vremia Vtoroi Mirovoi Voiny. [Supplies of the allies under lend-lease and other ways during World War II.] M.: Voenizdat, 1956.

Skrytaia pravda voiny: 1941 god. Neizvestnye dokumenty. [Hidden truth about war: 1941] M., 1992.

Soobshchenie TASS // Izvestiia. 14 iiunia 1941. [News of the Telegraph Agency of Soviet Union // Izvestiia. June 14, 1941.] №139 (7515).

Stalin I.V. Sochineniia. T. 16. [Thesis. Vol. 16] M., 1997.

Sudoplatov P.A. Razvedka i Kreml'. [Intelligence service and the Kremlin] M., 1996.